

Если бы Шангуань Цинье мог видеть происходящее, он бы наверняка содрогнулся от ужаса.

Женский голос, прозвучавший словно из самой бездны преисподней, наполнил комнату леденящим холодом, от которого кровь стыла в жилах.

Из темноты возникла пара рук и мягко коснулась лица Нань Юя.

Руки были холодны, как лед. Стужа мгновенно разлилась по коже, и Нань Юя пробрала крупная дрожь. Он крепко зажмурился, стараясь не реагировать на то, что происходит вокруг.

Шангуань Цинье, чьих щек также касались эти ледяные пальцы, чувствовал, как сердце колотится в груди — «тук-тук-тук», — и этот звук казался оглушительным в звенящей тишине комнаты, словно готовое вырваться наружу сердце вот-вот проломит ребра.

Он зажмурился, на лбу выступил холодный пот, будто он оказался в ледяной пещере.

Если бы Шангуань Цинье мог увидеть это существо, он бы умер от страха на месте.

Облик женщины был поистине чудовищен.

Вместо лица — сплошное месиво из алых грануляций, источавших странное, пугающее свечение. В этой кровавой массе копошились черные черви, которые, казалось, нашли себе рай в этом кошмарном пространстве и беспрепятственно ползали по нему.

У женщины не было тела, а тонкие, ледяные ладони росли прямо по бокам от лица, напоминая конечности паука. Бледные и длинные, они излучали могильный холод, странно зависнув в воздухе и слегка покачиваясь.

В тишине комнаты внезапно раздался скрежет под кроватью, с каждой секундой становясь все пронзительнее. Доски кровати содрогались от яростных ударов, казалось, они вот-вот не выдержат и треснут.

— Почему же вы не видите? — с недоумением и растерянностью прошептал женский голос, исходящий прямо из алой плоти.

Этот голос, полный непонимания и замешательства, отчетливо прозвучал над головами обоих юношей.

Паук с человеческим лицом продолжал мягко гладить их по щекам, словно в лихорадочном поиске чего-то важного. Длинные острые ногти иногда слегка царапали кожу, вызывая болезненные ощущения.

Наконец, поблуждав по лицам, существо, по-видимому, так ничего и не обнаружив, медленно и с неохотой убрало руки.

Затем, подобно призраку, паук бесшумно скрылся в темноте, оставив после себя лишь эхо скрежета.

Нань Юй почувствовал, как на него наваливается непреодолимая сонливость, словно невидимая сеть, медленно опутывающая его. Несмотря на то, что он изо всех сил прикусил язык, пытаясь болью удержать ускользающее сознание, дремота оказалась сильнее — она заставила его забыть даже о пугающем звуке под кроватью.

Его мысли начали путаться, сознание погружалось в хаос. Воспоминания о прошлой жизни постепенно блекли, ускользали, он уже с трудом мог их вспомнить.

— Как же хочется спать... Кто я? Так хочется спать... — прошептал он про себя едва слышно.

Веки стали тяжелыми, словно налитыми свинцом, и каждое движение, чтобы их приоткрыть, требовало нечеловеческих усилий. Мышление замедлилось, словно он завяз в густом тумане, потеряв всякий ориентир. Сонливость, подобно мощному приливу, волна за волной обрушивалась на его волю, заставляя почти сдаться.

На экранах трансляции лица обоих парней постепенно разгладились, приняв безмятежное выражение — они словно полностью погрузились в сновидения.

— Нет! Не спите! Господи, спасите, это точно подземелье D-уровня?

— Вы же почти прошли, если заснете сейчас — всё будет кончено!

Чат трансляции был полон тревоги.

В конференц-зале воцарилась тяжелая, гнетущая атмосфера. Старик Ли в нерешительности произнес:

— Глава, подсказка не прошла, будто какое-то неведомое препятствие блокирует сигнал.

Он нахмурился, на лице читалась глубокая тревога.

— Глава, судя по всему, их принудительно погрузили в сон неконтролируемые силы Сновидного призрака, — добавил другой сотрудник, голос его звучал глухо.

— Глава, этот уровень сложности — вовсе не D. Я полагаю, что это сценарий класса A или даже

выше, а Нань Юй и его напарник выполняют лишь часть задач D-уровня, поэтому некоторые зоны еще не полностью открыты.

Линь Чжэфэн стоял неподвижно, чувствуя, как его захлестывает волна бессилия. Он мог лишь наблюдать, как эти двое медленно погружаются в небытие, не имея возможности вмешаться. Он не был участником и не мог войти внутрь, чтобы помочь им.

Сердце сжало невидимой рукой, боль была почти невыносимой, дышать стало трудно. Это была не только физическая, но и глубокая душевная мука.

В глазах Линь Чжэфэна застыли тоска и безнадежность. Он видел слишком много гибелей участников от Государства Лун, и эти страшные картины когда-то причиняли ему невыносимые страдания, но со временем он очерствел. Он думал, что его сердце стало достаточно твердым, чтобы спокойно смотреть на подобное.

Но в этот раз реакция была иной.

Эти двое были редкими талантами, каких не встречали годами. У них был безграничный потенциал, они должны были вырасти и принести новую надежду Государству Лун. Как же не болеть сердцу, когда они гибнут, так и не успев раскрыться?

Государство Лун и так на грани катастрофы: из сотни начальных городов осталась лишь половина, участников для подземелий требуется все больше, и гибель страны — лишь вопрос времени. Каждый талантливый участник — это бесценное сокровище.

На душе у Линь Чжэфэна было тяжело, словно камень придавил грудь, мешая дышать. Он не знал, сколько еще продержится страна.

— Старик Ли, попробуй еще раз, — тяжело вздохнул Линь Чжэфэн. — А вы все, сядьте на места. Сколько раз уже смотрели трансляции, а все никак не научитесь сохранять спокойствие.

Линь Чжэфэн обвел взглядом встревоженных сотрудников и слегка нахмурился, в его голосе прозвучали нотки упрека.

...

Сознание Нань Юя продолжало погружаться вниз, словно он падал в бесконечную темную бездну. Он чувствовал, как некая мощная сила тянет его все глубже, окружающий мир терял очертания. Он пытался вспомнить, кто он такой, но в голове была лишь пустота.

И только одна фраза отчетливо звучала в этом хаосе:

— Когда ты откроешь это письмо, ты отправишься к сердцу Земли, где воочию увидишь гибель мира.

Эти слова словно выжглись у него в подкорке, и как бы он ни старался, он не мог их забыть. Мысли становились все более вязкими, как в болоте. Он уже не мог даже понять, кто сказал ему эти слова или кто об этом предупреждал. Он лишь бесконечно повторял эту фразу в темноте.

В этой тьме глаза юноши-альбиноса на соседней кровати, до этого цвета морской волны, вдруг стали кроваво-красными.

Тот, кто казался чистым ангелом, в одно мгновение словно пал, превратившись в падшего ангела, низвергнутого из рая в ад.

Голос его прозвучал небрежно, но с властью, не терпящей возражений:

— Прочь.

Скрежет мгновенно прекратился, экран трансляции погас.

<http://bllate.org/book/21794/2254706>